

0 7 2 4 8 7 2 - 1

На правах рукописи

ВАРТАНОВА Каринэ Рубеновна

ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КОНЦЕПЦИЯ ЛИЧНОСТИ В ТВОРЧЕСТВЕ
В.МАКСИМОВА

10.01.01 – Русская литература

А В Т О Р Е Ф Е Р А Т

Диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Армавир – 2001

Работа выполнена на кафедре литературы и методики её преподавания
Армавирского государственного педагогического института.

Научный руководитель: кандидат филологических наук,
доцент ПАВЛОВ Ю.М.

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор ЕГОРОВА Л.П.

кандидат филологических наук,
доцент ПАНАЭТОВ О.Г.

Ведущая организация: Краснодарский государственный
университет культуры и искусств

Защита состоится «27» декабря 2001 года
в 10 часов на заседании диссертационного совета
Д-212.101 04 в Кубанском государственном университете по адресу:
г.Краснодар, ул.Ставропольская, 149.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке КубГУ
(350040, г.Краснодар, ул.Ставропольская, 149).

Автореферат разослан «24» ноября 2000 года

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КФУ

0000789432

Учёный секретарь диссертационного совета
кандидат филологических наук, доцент

Н.И.Щербакова

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Владимир Емельянович Максимов (1930 – 1995) вошёл в отечественную литературу в конце 50-х годов нынешнего столетия как поэт, в 60-х – как прозаик, автор повестей, а начиная с 70-х, – как романист. В контексте литературы того времени произведения В.Максимова носили подчеркнута новаторский характер. Писатель поднимал запретные темы лагерного быта, веры в Бога, бесчеловечности государственной системы; героями его были люди, недостойные звания строителей социализма. Вынужденная эмиграция в 1974 году в Париж сделала практически недоступным творчество В.Максимова для русского читателя и критики.

Проза художника отличается широким диапазоном художественно-философских проблем, главным моментом в которых является обращение к духовно-нравственным началам личности. Мир повестей и романов В.Максимова – это своеобразный философский диалог героев со своим внутренним «Я», «другими», Богом: удачная и неудачная попытка поиска человеком смысла жизни.

Первые произведения В.Максимова вызвали живой интерес и критиков, и литературоведов (Л.Аннинский, А.Бсчаров, С.Макашин, В.Шкловский и др.), внимание которых было сосредоточено в основном на проблематике этих творений. Вновь к творчеству писателя обращаются исследователи литературы лишь на рубеже 80 – 90-х годов. Это В.Бондаренко и А.Немзер, Л.Смирнова и И.Золотусский, В.Юдин и А.Ланин и другие авторы. Несмотря на большое количество работ о творчестве В.Максимова, исследования о художественной концепции личности в прозе автора практически отсутствуют. Да и сама проблема, её теоретическая разработка страдают серьёзными изъянами. Поэтому актуальность нашего исследования определяется нерешённостью историко-литературных и теоретических вопросов.

Выбор темы обусловлен тем, что «концепция личности», своеобразный идейно-художественный *центр* произведения, позволяет выявить основные особенности творчества одного из ведущих писателей последних десятилетий. К тому же сопряжение прозы В.Максимова с произведениями многих авторов даёт представление об общих тенденциях развития современной литературы.

Вот почему предметом исследования является художественный поиск личностного идеала в творчестве В.Максимова, поиск, соотносимый с христианскими православными ценностями, а объектом – следующие

произведения автора: повести «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Дорога», «Стань за черту», «Баллада о Савве», «Как в саду при долине», романы «Семь дней творения», «Карантин», «Прощание из ниоткуда», «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну».

Цель диссертационного исследования – выявить сущность взглядов В.Максимова на человека, а также формы их художественной реализации.

Замысел работы был определен следующей гипотезой русский писатель В.Максимов своё видение личности и формы его художественного воплощения осознанно и неосознанно соотносил с православным подходом к человеку, с традициями христианского гуманизма русской литературы XIX века.

Цель исследования и выдвигаемая гипотеза определяют постановку следующих задач:

- 1) представить различные подходы к творчеству В.Максимова, к концепции личности в его прозе в первую очередь, на основе системного анализа основных произведений автора показать степень научной достоверности и продуктивности данных подходов;
- 2) выявить основные типы личности в творчестве В.Максимова, их соотносённость с православными ценностями и формы их художественного воплощения;
- 3) показать характер взаимодействия личности с обстоятельствами, бытом, временем, Богом, определить разные художественные уровни личности в прозе В.Максимова;
- 4) сопоставить идейно-художественные приоритеты писателя с ведущими тенденциями развития современного литературного процесса;
- 5) определить степень взаимосвязи творчества В.Максимова с традицией христианского гуманизма русской классической литературы.

Методологической основой диссертационного исследования послужили труды по теории и истории литературы М.Бахтина, Г.Гачева, Г.Белой, В.Гусева, И.Золотусского, В.Кожина, Ю.Селезнёва и других авторов.

Для решения поставленных задач в работе использовались сравнительно-типологический и культурно-исторический методы.

Научная новизна диссертационного исследования заключается прежде всего в том, что впервые художественная концепция личности последовательно рассматривается на материале творчества В.Максимова с

православных позиций. Выдвигается и новая типология личности в прозе этого автора.

Достоверность и обоснованность результатов и основных выводов работы определяется исходными методологическими положениями, широкой опорой на научный и литературно-фактический материал, глубоким анализом проблемы

Практическая значимость диссертации состоит в том, что её наблюдения и выводы могут быть использованы при дальнейшем изучении прозы В.Максимова, при чтении курса лекций по истории русской литературы XX века, а также спецкурсов и спецсеминаров по творчеству автора. Работа может быть полезна при проведении уроков литературы в школе, факультативных занятий и кружков.

Апробация и внедрение результатов. Основные положения работы докладывались на внутривузовских научно-практических конференциях АГПИ в 1996 – 2000 гг., обсуждались на заседаниях кафедры литературы и методики её преподавания, методологических семинарах, аспирантских объединениях названного вуза. Материалы исследования отражены в публикациях автора диссертационной работы.

Структура и объём работы. Диссертация состоит из введения, трёх глав, заключения и библиографии. Список литературы включает 209 наименований. Общий объём исследования - 189 страниц текста, набранного и распечатанного на принтере ЭВМ.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. В повестях В.Максимова, несмотря на различие сюжетов и художественных приёмов, самопознание героев приводит к ярко выраженному внешнему результату в виде поступка. В отличие от романов в ранней прозе таким поступком может служить смерть или самоубийство. В повестях и романах представлены соборный, эгоцентрический и амбивалентный типы личности. В.Максимов выделяется среди писателей советского времени иным подходом к изображению и человека, и «многоликой массы». В таком отношении к личности, как в ранних повестях и романе «Семь дней», доминирует христианское мировидение, ибо постоянными ценностями выступают доброта и любовь – две вечные категории, которыми *живет человек*.
2. В романах «Карантин» и «Прощание из ниоткуда» автор при помощи разных художественных приёмов изображает способность человека как к духовному самообману, так и к сознательному построению собственными

усилиями моральной опоры. До тех пор, пока личность не осознаёт себя, не знает сострадания, до тех пор, пока над ней властвуют обстоятельства, не открываются пути ко спасению души. Рано или поздно многие герои В.Максимова совершают нравственный выбор, правя свою жизнь не по тому, что тленно, а по «единственной звезде», «по Богу». Открытием В.Максимова в контексте современной ему литературы является перевод духовно-нравственных ценностей личности в их исконное православное лоно, между тем как большинство писателей считали эти ценности социалистическими.

3. Поднимая вопрос «человек и история» в романах «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну», а также в «маленькой повести» «Как в саду при долине», писатель подчёркивает фатальность отдельной личности, закономерность и целенаправленность всех скитаний и поворотов жизненного пути, регулирующегося незримой силой – Богом. Подход автора к оценке исторической судьбы России в годы гражданской войны и революции осуществлён в качественно иной плоскости. В.Максимов показывает сатанинский характер большевистской власти, выводит истоки революции и гражданской войны из мировой битвы Бога и дьявола. Таким образом, писатель продолжает традиции, начатые Р.Гулем, П.Красновым и другими писателями -- представителями первой волны эмиграции. Усложняется и художественная форма реализации концепции личности.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во *введении* дано обоснование темы, определена её научная новизна и актуальность. Указаны методологические основы исследования, разработан понятийный аппарат, сформулированы цели и задачи работы, выявлена научно-практическая значимость диссертации.

Глава I. «Идейный и духовно-нравственный поиск личности, особенности стиля в ранних повестях и романе «Семь дней творения». Повести В.Максимова по природе жанра и по характеру поднимаемых вопросов локальнее, чем его известные романы, хотя в них, как и в произведениях большой эпической формы, исследуется поведение человека, ищущего и обретающего истину. В целом ранняя проза содержит круг проблем, развёрнутых автором в последующих произведениях более или менее подробно: все эти вопросы - о сути человеческой жизни, о том, что прошлое не исчезает бесследно, а живёт в настоящем, формируя момент связи с будущим.

Специфическое обращение В.Максимова со временем даёт возможность увидеть героев сквозь разные слои реальности, уловить динамику их характеров через призму идейного и духовно-нравственного поиска личности.

Отметим, что художественное мировидение В.Максимова выпало из контекста литературной картины эпохи. Идея христианского возрождения, рассмотренная на материале лагерной тематики бросала вызов официальной литературе 60-х годов.

В повестях автор бросает вызов всей системе государственных отношений, идущей против Бога, поставившей перед людьми свой закон, противоестественный и не принимающий в расчёт отдельно взятого человека. Как известно, в литературе 60-х годов сходную тематику затрагивал А.Солженицын. В.Максимов, в отличие от него, подходит к решению вопроса «личность и общество» скорее с философских, онтологических позиций, более тонко очерчивая внутреннюю жизнь героев. Как правило, художественная проза В.Максимова раннего периода совмещает авторскую взыскательную оценку явлений и неутомимый поиск добра и красоты в людях. Драматические коллизии интересны как возможность исследовать нравственную основу характеров, поведение людей, «переступающих за черту». Духовный подъём возникает именно оттого, что, вопреки обстоятельствам, человек поступает так, как требует его долг, совесть, его представления о чести и справедливости. Он поднимается над физическим миром, отвергая мысль о том, что критические ситуации оставляют право на апостасийность. И в этом возрождении вертикального духовного подхода к личности видится продолжение В.Максимовым основной традиции отечественной литературы -- традиции христианского гуманизма. Отметим, что обращение к внутренней константе, к её обретению характерно для немногих современников В.Максимова. Усиление же внимания к духовному миру человека, усиление художественного психологизма через несколько лет проявится как тенденция в цикле «Воспитание по доктору Слоку» В.Белова, в повести «Живи и помни» В.Распутина, в романе «Я пришёл дать вам волю», «До третьих петухов» В.Шукшина.

На протяжении повествования писатель употребляет традиционно значимые числа, например, *три*. Этот сказочный художественный приём придаёт ранним произведениям дополнительные смыслы, переводит искания личности в вечный план. Внимание автора концентрируется на деталях, уточняющих восприятие героями каких-либо ключевых событий. В.Максимов часто использует образ света, обозначая им не столько внешние явления,

сколько внутренние перемены в душах действующих лиц; образ звёзд как способность воспринимать красоту; образы тепла и холода, символизирующие закрытость и открытость миру.

Важное место в творчестве В.Максимова занимает природа. Наиболее совершенны по стилю именно пейзажные зарисовки. Большое значение имеет лес – традиционный образ в русской литературе, несущий духовное наполнение, отражающий нравственный потенциал народа, его образное и реальное богатство. Лес, тайга лечат души героев, и по отношению к природе мы можем судить о характере того или иного действующего лица.

Весьма распространён в произведениях писателя образ *старика*, глубоко обоснованный с философской точки зрения. Вообще старчество как порождение православной традиции играло значительную роль в русской литературе. Достаточно вспомнить старцев Ф.Достоевского. Старый человек символизирует почти завершённый жизненный путь, накопленный опыт и мудрость. Старик, если это персонаж периферийный, в прозе В.Максимова почти всегда несёт качество более совершенного сознания («Дорога»). Однако если образ вынесен в центр повествования («Стань за черту»), то чаще всего он выражает тяготение к внутренней духовной гармонии, необходимость подведения итогов.

В повестях и романе «Семь дней творения» представлены разные типы личности: соборный, эгоцентрический и амбивалентный. В отличие от многих писателей советского времени, В.Максимов совершенно иначе подходит к изображению «многоликой массы». Для него она перестаёт быть скоплением бездушных винтиков, бездумно и бесчувственно работающих в едином государственном механизме. Герои, среди которых много настоящих народных характеров, живут, как правило, своей особенной, достаточно точно воссозданной автором жизнью и имеют своё стилевое пространство, наиболее отчётливо прослеживающееся в диалогах.

Повестями «Мы обживаем землю», «Жив человек», «Дорога», «Стань за черту», «Баллада о Савве» и романом «Семь дней творения» писатель задаёт направление своего творческого пути, от которого не отклонится и в последующей прозе. В повестях и романах проблема духовно-нравственных ценностей личности решается В.Максимовым с позиций, обусловленных религиозной природой его художественного мировидения. Человек, не испытавший всю полноту драматических коллизий жизни, не в состоянии понять её истинную сущность. Кризис даёт возможность героям осознать и

изменить свой путь, преодолевая власть обстоятельств. Продуктивность подобной позиции, на наш взгляд, очевидна.

Глава II. «Романы «Карантин» и «Прощание из ниоткуда» как отражение пути духовного самоопределения личности, особенности художественного мира произведений». Вопрос о духовном прозрении человека В.Максимов с новой силой поднимает в романе «Карантин» (1973). Здесь более глубоко исследуются автором самоопределение личности, психология человека, идущего к Богу и приходящего к Нему в конце всех душевных метаний. Символ поезда, в котором едут герои и где в основном разворачиваются события, выбран автором не случайно. Сама жизнь действующих лиц мчится, как поезд без остановок, сначала через многочисленные испытания, потом через пороги и изгибы своей памяти. Только в результате остановки главные герои приходят к прозрению, к обретению сокровенного знания о душе и к принятию ответственности за всё, с нею произошедшее.

Мысль о влиянии чуда на человеческое сознание лейтмотивом проходит через «Карантин». Оно преобразует человека «до неузнаваемости», как преобразуются под влиянием Иванова Борис и Мария. Мистический оттенок сопровождает мысль о целительной силе невероятного. За реальными судьбами героев прочитывается известный библейский протасюжет о явлении, распятии и воскресении Христа, что в очередной раз придаёт проблеме личности вечный, христианский подтекст.

Следует отметить, что роман изобилует сложной символикой как философского, так и эмоционального планов. Многозначен образ мальчика. Слова писателя из купе напоминают Марии утонувшего мальчика из её собственного прошлого. Исчезновение человека, его смерть знаменуют конец всех земных надежд и чаяний, и философски явление смерти должно приводить свидетелей к обретению особого понимания жизни. Например, в повести «Мы обживаем землю» герои наблюдают смерть-самоубийство цыгана, и для каждого эта трагедия становится чем-то индивидуально символичным, кроме Суханова, не уловившего душевных мучений Димки. Герония «Карантина» воспринимает добровольную смерть обласканного и брошенного ею мальчика как проявленную по отношению к ней жестокость: «За что он меня так!...».

В повествовании В.Максимов практически избегает портретных характеристик главных героев Бориса и Марии. Автор подчёркивает лишь хрупкость фигурки женщины. Однако внутренние монологи так выразительны, что сразу высвечивается человеческая суть каждого персонажа. Подобная

тенденция выписывать героя без упоминания его внешних черт, но только «одной линией», одной броской ключевой деталью была характерна для прозы В.Шукшина.

В.Максимов интенсифицирует внутреннюю речь, которая состоит, к примеру, из слившихся воедино авторских комментариев и переживаний Марии, оформленных в третьем лице (тоже своеобразный шаг героя навстречу автору). Сложное переплетение образуют голоса автора и героя при повествовании от первого лица, от лица Бориса, где автор – спутник, незримый свидетель и полноправный гид в путешествиях по прошлому. Описание чувств и мыслей Бориса выявляет кругозор героя, его видение мира, духовный потенциал, раскрывает глубинные мотивировки, психологически сложные душевные движения, приводящие к тем или иным сюжетным поворотам. И это при полной иллюзии авторского невмешательства по сравнению с повестью «Стань за черту», в которой голос автора звучит намеренно открыто, вынося вердикт поступкам Михея, или с романом «Прощание из ниоткуда», где автор даже вступает в диалог с героем и каждый из них при этом имеет своё стилевое поле. Стилистика авторской речи и речи героев в романе «Карантин» оказывается максимально сближенной.

Характерен для романа мотив зова. Зов души, неосознанный, не подвергающийся логическому анализу, часто ощущают Мария и Борис. Зов внутренней божественной сути к обретению смысла и любви продолжает идею изначального стремления души к Богу, намеченную в повести «Жив человеку»; этот зов вырастает и укрепляется в романе «Карантин». Справедливо считая церковь олотом веры, что в те времена было нехарактерно для большинства писателей, В.Максимов часто вводит её и как зрительный образ, и как символ нравственной доминанты. Один из ярких тому примеров встречаем в романе «Семь дней творения»: на страницах, посвящённых Андрею Лашкову, в Пасхальный праздник через подавание нищенке приходит к вере Муся. Подобный урок получает и Мария, смотрящая на верующих «с равнодушным убеждением, подозревая в них страх или корысть». Тонко показывая натуру героини, автор выводит маленькое открытие церкви Марией через созерцание лиц верующих.

Концепция личности реализуется в «Карантине» и через идею сохранения человеческого облика при любых обстоятельствах. Автор подразумевает наличие в человеке определённой границы пресыщения в чувствах и мыслях, за которой совершается необратимая реакция, означающая духовный рост. В данном случае мы можем говорить об устойчивой модели личности

развивающегося типа, об отсутствии какой-либо завершенности характера при углубленном внимании к восходящей линии его развития.

По классификации М.Бахтина мы определили бы жанр данного романа и «Семи дней творения» как роман воспитания. Нельзя не отметить наличие элементов романа страствования, романа испытания, биографического романа, но доминирующими эти подвиды не могут быть названы, поскольку в них герой является постоянной величиной, а роман воспитания требует показа развивающегося характера, что и наличествует в данном случае.

В романе «Карантин», в отличие от «Семи дней творения», где носителем духовности выступает сектант Миронов, мы сталкиваемся исключительно с воцерковленным пониманием веры. Это даёт возможность говорить о приходе автора к традиционным формам религиозности для русского писателя. И, изображая эмоциональный всплеск в душе Бориса, В.Максимов неслучайно прибегает к показу особенно сильных впечатлений от монастырской жизни, то есть наиболее высокого воплощения православия, к показу глубокого смысла этого аскетического служения.

«Час испытаний», критическая ситуация, так часто используемая в литературе 60 – 70-х годов, как водится, направлена была на выявление мировоззренческих, идеологических сторон личности, у В.Максимова же трудности сопряжены с воспитанием веры в душе человека. Это, конечно же, не означает, что в «Карантине» отсутствует тип «идеологической» личности, человека, торгующего традиционными ценностями ради личного, материального процветания. Особую неприязнь у В.Максимова вызывают представители интеллигенции. Вечные комиссии, один из атрибутов социалистического общества, порождают нелепый «актив», занимающийся стенгазетой за тетрациклин. «Рвут глотки» все, кому хочется выжить: «не погнушался сочинить стишки» «мировая знаменитость» Евтушенко; в надежде обменять лекарство на самогон, написал статью Балыкин; представил «целую страничку убористого словесного разврата» «модный драматург».

О бесчеловечном типе «нашего нового человека» с гипертрофированным инстинктом самосохранения рассказывает Борису Лёва Балыкин, хорошо разбирающийся в людской психологии: «За свою драгоценную и неповторимую он не только выпивку, а и луну с неба достанет... Родных детей своих на бурду переведёт, а жену на дрожжи...». Контрастно выглядит на фоне сочувствия Марии солдатику из охраны тирада Ельцева о разделении людей на «героев» и «толпу», на «глуших» – «соль земли», которые «сохранят священный огонь мысли», «передадут потомкам дух времени», и на

«шелупень», «ничто, хлам, дерьмо». Такой тип личности в отличие от исконного русского жертвенного типа можно назвать эгоцентрическим. Неотъемлемым качеством эгоцентрической личности из творческой интеллигенции, по мнению В.Максимова, является духовное оборотничество. Так, вдохновенное чтение Шекспира у Ельцова сочетается с философией «железной необходимости», когда «жертвы неизбежны», «выжить должны лучшие», а средства допускаются любые. Это мнение разделяют известный драматург, известный поэт и другие представители левой интеллигенции.

Романом-самопознанием можно назвать произведение В.Максимова «Прощание из ниоткуда» (1972 -- 1982). Сложной является жанровая структура произведения, объединяющая нелёгкий жизненный путь Влада, раздумья автора, исповедь души, моление. Повествование строится по обычному для писателя принципу наложения разных временных пластов, когда прошлое опережает настоящее, чередуясь с будущим. Язык автора-повествователя необычайно образен, и рассказы (сюжетно законченные части), ведущиеся в третьем лице, как правило, начинаются и завершаются лирическими отступлениями – мольбой о прощении. Такая жанровая особенность даёт возможность говорить вполне определённо об авторских приоритетах и авторской позиции в понимании личности.

Большое внимание В.Максимов уделяет лирическому описанию внутренних ощущений главного героя, почти всегда тесно связанных с внешним миром (с природой, людьми, обстоятельствами). Постоянные жанровые смещения, наблюдающиеся в словах автора, комментирующего события, кажется, не имеют границ в своём диапазоне: Пушкин и народные песни, пословицы, поговорки, городской фольклор и не имеющие определённого месторождения присказки, латинские изречения, фразы великих, реминисценции из Н.Гоголя, Ф.Достоевского, А.Грибоедова, А.Блока, А.Ахматовой, Б.Пастернака, Я.Смеякова, И.Сталина и т.п. – все эти вкрапления в текст на уровне микроцитат создают особый, сугубо максимовский ассоциативный стиль, позволяющий судить об эрудиции писателя и вносящий оттенок интеллектуальной иронии, наряду с наличествующей лиричностью, в характеристику героя. Сказанное обуславливает и особенности сюжета, фиксирующего в первую очередь движения и перемены духовного порядка.

Весь роман - повествование о том, как Влад собирает «свою потерянную когда-то Веру», отдавая долги и кредиты, вымаливая прощение. Будет в его жизни и суд – «маленькая комедия», игра в справедливость, но настоящую

справедливость принесёт потом другой Суд, произведённый самим собой по законам Совести, дарованной от рождения каждому человеку, что неоднократно утверждает автор. В своих странствиях главный герой только накапливает уходы (от деда Савелия, от Жолтовского, от Агнуши), унося аванс и оставляя в сердце зарубки, до поры до времени не ощущающиеся. В отличие от ранних произведений В.Максимова «Стань за черту» и «Дорога», в романе настойчиво проходит тема возрождения души даже после самых тяжких падений, тема, начатая в повести «Жив человек», органично примыкающей к роману как история «вольного казака» Сергея

Тема некритического принятия человеком безбожных законов, поднятая писателем в «Ковчеге для незваных», общая для В.Максимова и Л.Бородина («Полюс верности»), звучит с новой силой в «Прощании из ниоткуда».

Концепция личности решается автором и на уровне категорий «свой – чужой», «друг – враг». По-настоящему православным можно назвать отношение писателя к своим врагам, упоминание о которых находится на уровне установления объективных фактов, а не сведения счётов. Лейтмотивом проходит через роман испрашивание милости у Бога для своих мучителей, ибо они, по мнению автора, не ведают, что творят.

Концепция личности решается и на уровне «писатель – творчество», поэтому не случайно в романе дан весь спектр литературной жизни 50-х годов. Вместо писательства о главном, «по делу», происходит тиражирование «знания падших ангелов», которое только ускоряет процесс всеобщей лжи и гниения заживо. Человеческое начало оставило эту среду, но герой, ещё не утративший в себе стойкости духа, живёт и упорно учится знанию о вечных категориях – любви, сострадании, вере, несмотря на то что эти понятия изживаются государственной системой.

Связь героя с Богом, то прерывающаяся, то усиливающаяся, в романе очень ощутима. Первая встреча с церковью происходит у Самсонова не по душевной потребности, а из любопытства. Но она оказывается далеко не случайной и играет значительную роль в самоопределении личности героя.

Родина в понимании В.Максимова несёт в себе главную ценность – память о былом, важную для становления человека. Несомненно, одной из лучших сторон «Прощания из ниоткуда» является воспетая в пушкинских традициях «любовь к родному пепелищу», к немногочисленной родине, Родине.

Выбор и последнее слово В.Максимова и его героя остаётся за неизменностью *сострадания*, которое, по отношению к далёкой Родине, превращается не в проклятие, а в благодарность и неизбывную тоску: «Прости,

прощай». Безропотность перед всеми испытаниями отныне переходит в извечное состояние Самсонова. Поэтому с обретенной вновь от пережитых воспоминаний силой герою, занесённому в «никуда», остаётся оттуда только «...по-сыновьи, с яростью и состраданием любить тебя - Россия!» Типично экзистенциалистская ситуация, когда человек находится в полной власти абсолютно не зависящих от него обстоятельств, решается не с позиции экзистенциализма: чем безысходней обстоятельства - тем интенсивней процесс воспитания духа. Путь духовного самоопределения личности пролегает у В.Максимова через открытие героем чувств сопричастности и любви к стране, к близким людям, к тем, кто просто прошёл рядом. В выборе писателя видится бесстрашное отречение от требований официальной литературы, преодоление идеологического запрета на проблематику подобного рода. Многообразие стилистических приёмов и художественных средств позволило В.Максимову оптимально реализовать концепцию личности в романах «Карантин» и «Прощание из ниоткуда».

Глава III. «Человек и история в романах «Ковчег для незваных», «Заглянуть в бездну» и повести «Как в саду при долине», способы художественной реализации проблемы». Роман «Ковчег для незваных» (1976 – 1978) продолжает неизменные национальные темы, поднятые В.Беловым, В.Астафьевым, В.Распутиным, В.Крупиним. Образ ковчега многозначен в романе. Его семантика пронизывает многие образы произведения. Многогранность образа ковчега позволяет писателю органично переходить к различным проблемам, связанным прежде всего с концепцией личности.

Стиль романа весьма своеобразен. Речь автора-повествователя сменяется притчевыми вставками, встречаются образы, по воле писателя ставшие нарицательными, как правило, временного или событийного плана: Ночь, Пятый Год, Первая Мировая, Лихая Гражданская, Три Великих Голодухи и т.д. Характерна для романа «Ковчег для незваных» и свойственная автору метафоричность языка в перемежающихся повествование пейзажных зарисовках. Природа словно оживает под чутким пером В.Максимова. Метафора выступает ведущим художественным тропом в образной системе писателя не только в пейзажных зарисовках – воображение автора создаёт яркие внешние – визуальные - и внутренние образы. Такие образы выполняют функцию раскрытия характеров героев, показывая их способность к эстетическому восприятию природы и окружающего мира вообще.

Для понимания писательской концепции личности важную роль играет тема вождя. Одним из смысловых центров романа выступает образ Сталина,

показанный, как и другие исторические фигуры в трактовке В.Максимова (Колчак, Ленин, Бергерон и т.п.) с нравственно-религиозных позиций. В.Максимов выбирает период угасания и усталости вождя. Пожилой возраст героя всегда символичен в произведениях писателя как пора размышлений о душе, пора подведения итогов. Но в данном образе отсутствуют стремление к внутренней душевной гармонии, стариковская мудрость.

Итак, в романе «Ковчег для незваных» В.Максимов обращает свой взгляд в недавнее историческое прошлое, воссоздавая образ Сталина и судьбы переселенцев на Курильские острова, обрамляя художественное пространство библейской канвой и идеей Божьего Промысла. Естественно, что встаёт много вопросов, связанных с историческими реалиями изображаемого, о соотношении факта и вымысла при создании образов исторических деятелей эпохи. Сравнивая художественный подход к личности Сталина у В.Максимова и А.Рыбакова, мы отмечаем выпуклое, стереоскопическое изображение, человечность, христианский подход к тирану и сочувствие ему у автора «Ковчег для незваных», тогда как в «Детях Арбата» Сталин напоминает скорее хлипкую, уязвимую конструкцию, чем художественный образ.

Проблему «личность и история» В.Максимов решает в романе «Заглянуть в бездну» (1987) в первую очередь через фигуру главного героя Александра Васильевича Колчака. Степень религиозной обусловленности судьбы отдельной личности и происходящего вообще возрастает у В.Максимова при изображении собственно исторических событий, и этот способ художественного видения автор предваряет элиграфом из Л.Толстого.

В «романе о Колчаке» видится воплощение авторского замысла - трагедия личности-жертвы, попавшей под лавину истории. Этот диссонанс, всячески подчёркивается антитезами, с опорой на которые строится характер героя.

В.Максимов, подобно своим современникам, развивает в романе тему жертвенности, добровольной отдачи собственной жизни во имя высокой идеи спасения России. Таковую жертвенность встречаем в произведениях В.Астафьева, В.Распутина, Л.Бородина и других, чьи герои, жертвуя собой, спасают природу, людей, идеи. Свободная человеческая воля и воля Божья переплетаются в романе, порой образуя несоответствия, но когда дело касается Адмирала и Анны, то воли эти – человеческая и Божья – по замыслу автора чаще совпадают.

В романе много символических образов, знамений, - например, колокольный звон, звучащий словно в самих героях, служащий ответом

Адмиралу на его вопрос о своём предназначении. Визуальная яркость повествования (глазами Колчака), помимо образа звезды, дополняется красотой зимнего ночного пейзажа, меняющего краски. Писатель не оставляет герою пути к иному исходу, определяя все события неумолимым неизменным роком. Эта фаталистская концепция человеческой судьбы несколько ослабляется тем, что в данном случае рок несёт оттенок неотвратимости подобного духовного пути Колчака, его «креста» и отсутствия каких-либо возможностей изменить себе, «зачеркнуть самого себя».

Идея всеобщей невинности логически противоречит ключевому тезису В.Максимова о первостепенности борьбы Бога с дьяволом и вторичности революционных событий. Вообще роман отличается наибольшей непоследовательностью при художественном решении темы «человек и история». По основной тональности стиль романа глубоко лиричен, нарушен лишь «голосом автора», переводящего повествование в принижено реалистическую плоскость. Подход В.Максимова к оценке исторической судьбы России в годы революции и гражданской войны осуществлён в качественно иной плоскости. Автор показывает сатанинский характер большевистского движения, выводит истоки революции и гражданской войны из мировой мистической битвы Бога и дьявола, где Бог – на стороне белых. Таким образом, писатель продолжает традицию, начатые М.Цветаевой и авторами первой волны эмиграции.

В маленькой повести «Как в саду при долине» (1988) В.Максимов вновь возвращается к вопросу о значимости и неизбежности ситуаций, которые могли бы перевернуть устоявшийся уклад жизни. Почти всё произведение построено на скрытой или явной полемике с «философией» тех, кто под прикрытием шествия «вперёд, заре навстречу», как говорил Иван Воробьёв, шагая вместе со всеми, совершил подмену, создав государство, которое трудно назвать Россией.

Лейтмотив одиночества, проходящий почти через все произведения В.Максимова, особенно остро звучит в этой «маленькой повести». Обратной стороной одиночества личности является в данном случае бесчеловечность государственной системы, обращённой, если это требуется для «дела», против семьи, против дружеских связей, против самого человека.

В.Максимов, продолжая поднятую в конце 50-х – начале 60-х гг. писателями так называемой «деревенской прозы» тему гибели русской деревни как хранительницы традиционной культуры и духа народа, придаёт ей своеобразный оттенок городскими условиями, в которых завершается процесс умирания деревни. «Два деревенских мужика», затянувшие песню «Как в саду

при долине» в котельной на городской окраине, «в огромном и чужом для них мире», поют о гаснувшей в них и никому не нужной в советском государстве русской душевности и духовности, той самой луговой «отдушине» в сердце героя, вымирающей вместе с миллионами торбеевок. Писатель показывает, что за духовным вырождением неизбежно следует физическое, означающее постепенное исчезновение нации.

В повести мы не слышим голоса автора, он полностью скрыт за повествованием от первого лица – от лица героя-рассказчика. Линия развития сюжета произведения, которая занимает всего один день, строится на чётко обозначенных опорных точках: ожидании телефонного звонка, разговоре с дочерью, коротком сне, реальном и образном пробуждении. Расстояние между этими точками заполнено историей пережитого. В повести нет описания бытовой обстановки, окружающей героя, за исключением некоторых значимых деталей (наколка на теле мёртвого солдата, «прыгающая» в руках телефонная трубка и т.п.), нет свойственных В.Максимову насыщенных метафоричностью пейзажей. Автор полностью растворяется в мире «абстрактных» форм мысли, герой живёт в произведении на уровне впечатлений, воспоминаний, суждений, умозаключений. Через эти и другие особенности художественного мира повести передаётся традиция апостасийной личности.

Таким образом, в романе «Заглянуть в бездну» и «маленькой повести» «Как в саду при долине» ход истории изображён с религиозной точки зрения как мировая битва Бога и дьявола. Роль отдельной личности как субъекта истории писатель сводит к минимуму, однако оставляя для неё пространство для внутренних побед духовно-нравственного характера.

В *заключении* подводятся итоги исследования, определяется место В.Максимова в прозе 60 – 90-х годов XX века.

Основные положения диссертации отражены в следующих публикациях автора работы:

1. Пути духовного самоопределения личности в романе В.Максимова «Прощание из ниоткуда» // Русская и русскоязычная литература XX века: К вопросу о художественной концепции личности. - Армавир, 2000. - С.129-146.
2. Человек и история в романе В.Максимова «Заглянуть в бездну» // Русская и русскоязычная литература XX века: К вопросу о художественной концепции личности. - Армавир, 2000. - С 146-162.

3. Становление личности в романе В.Максимова «Прощание из ниоткуда» // Вторые кубанские литературно-исторические чтения. Материалы научно-теоретической конференции. - Краснодар: КГУКИ, 2000. - С.65-69.

4. Художественная концепция личности в романах В.Максимова «Карантин» и «Прощание из ниоткуда» // Русская литература XIX – XX веков: Актуальные проблемы исследования. Сборник научных статей. - Армавир, 2001. - С.71-77.

Васильев

Подписано к печати 23. 11. 2001. Бумага писчая.
Формат бумаги 60x84/16. Усл. печ. 1,13
Усл. изд. 1,19. Заказ № 105.
Тираж 120 экз. Лицензия ЛР № 021282.

© Издательский центр АГПИ, 2001.
352900, Г. Армавир, ул. Кирова, 50.

α -